

Генезис образов посева и жатвы в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века

Поташова К.А.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

В статье рассматриваются визуальные метафоры, представляющие военные события по аналогии с трудовыми действиями возделывания земли и жатвы урожая. Целью исследования является выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образов ратного поля и ратая в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века. Материалом для исследования стали произведения из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», поэтическая образность которых изучается в сопоставлении с библейскими метафорами, традицией древнерусского воинского повествования, классицистической баталистикой. Определено, что подобно древнерусской воинской повести в произведениях из «Собрания...» пейзажные детали включены в сам ход военных событий, оттого природные образы составляют значимый пласт метафорики батальных произведений, наделяют поэтический текст через визуальную символику дополнительными смыслами. Доказано, что визуальная метафора с ядром «поле» и сопряженные с ней образы функционируют в «Собрании...» как символы и эмблемы, связанные с выражением оппозиции войны и мира, зримым представлением одержанной победы. Наиболее частотными растительными образами в батальном тексте являются нивы, символически связанные с жизнью, и сады, аллегорически представляющие мир как рай. Новизна исследования видится в расширении представлений о поэтике зрительного в русской словесности посредством рассмотрения механизмов визуализации художественного образа в батальном тексте начала XIX века.

Ключевые слова: словесная баталистика, художественный образ, метафора, генезис, эсхатология, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», проповедь, Г.Р. Державин.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-2134.2022.2.

Для цитаты: Поташова К.А. Генезис образов посева и жатвы в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 68–80. DOI:10.17759/langt.2023100406

The Genesis of Images of Sowing and Reaping in the Battle Text of the Turn of the 18th-19th Century

Ksenia A. Potashova

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

The article deals with visual metaphors representing military events by analogy with labor actions related to the cultivation of the land and the harvest. The purpose of the study is to identify the literary genesis, semantic component and artistic potential of the images of the battle field and the battle in the battle text of the turn of the 18th-19th century. The material for the study was the works from the «Collection of Poems relating to the unforgettable year 1812», the poetic imagery of which is studied in comparison with biblical metaphors, the tradition of the Old Russian military narrative, classical batalistics. It is determined that, like the Old Russian military story, landscape details are included in the course of military events in the works from the «Collection...», that is why natural images form a significant layer of metaphors of battle works, endow the poetic text with additional meanings through visual symbolism. It is proved that the visual metaphor with the core «field» and the images associated with it function in the «Collection...» as symbols and emblems associated with the expression of the opposition of war and peace, a visible representation of the victory won. The most frequent plant images in the battle text are fields symbolically associated with life, and gardens allegorically representing the world as paradise. The novelty of the research is seen in the expansion of ideas about the poetics of the visual in Russian literature by considering the mechanisms of visualization of the artistic image in the battle text of the early 19th century.

Keywords: verbal batalistics, artistic image, metaphor, genesis, eschatology, «Collection of Poems Relating to the Unforgettable Year 1812», sermon, G.R. Derzhavin.

Funding: The research was carried out with the financial support of the Grant Council of the President of the Russian Federation within the framework of the scientific project no. MK-2134.2022.2

For citation: Potashova K.A. The Genesis of Images of Sowing and Reaping in the Battle Text of the Turn of the 18th-19th Century. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 68–80. DOI:10.17759/langt.2023100406 (In Russ.).

Введение

Изучение библейского и древнерусского генезиса художественной образности литературы Нового времени является актуальной проблемой современной гуманитарной науки в силу ряда причин. Прежде всего, в силу способности сакральной литературы открывать онтологические смыслы художественных образов, а также в связи с недостаточной изученностью преемственности поэтики батального текста рубежа XVIII-XIX века по

отношению к предыдущей словесной традиции. Обращенность к обозначенной проблеме обусловлена наметившейся тенденцией развития поэтической баталистики в начале XIX века, обратившейся за источником образности к фольклору и древнерусской словесности. Символическая наполненность древней культуры в наибольшей степени отвечала духовно-патриотическому подъему, выкристаллизовавшейся идее об исторической миссии России, обострившимся эсхатологическим предчувствиям, связанным с осмыслением вторжения армии Наполеона. Целью исследования является выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образов жатвы и орастая в батальном тексте рубежа XVIII-XIX века, уточнение особенностей художественного мышления русских поэтов, ставших очевидцами и участниками Отечественной войны 1812 года.

Материалы и методы

Несмотря на значимость зрительного начала в баталистике рубежа XVIII-XIX века, предметом специального монографического исследования проблема взаимодействия повествовательного и описательного начал в словесном художественном образе, выявление генезиса изобразительности батальной поэзии еще не становилась. Стоит выделить лишь некоторые исследования, косвенно затрагивающие данный вопрос — это исследования В.П. Адриановой-Перетц [3], И.А. Айзиковой [4], В.А. Гуковского [13], А.В. Гулина [14], С.И. Ермоленко [16], И.А. Киселевой [17], [19], В.А. Кошелева [20], А.И. Кузьмина [21], Л.В. Пумпянского [27], С.М. Скибина [29], А.С. Янушкевича [36]. Методологический аппарат исследования составили базовые литературоведческие методы — **культурно-исторический** метод, связанный с анализом батального образа в соответствии с господствовавшими идеями и настроениями; **сравнительно-исторический** метод, помогающий проследить генезис образов посева и жатвы от древнерусской воинской повести к классицистическим одам и романтическим произведениям 1810-х годов; **структурно-типологический анализ**, связанный с определением механизмов конструирования зримо воспринимаемого художественного образа.

Материалом для анализа стал батальный текст 1810-х годов, который составляют многочисленные отклики на войну с Наполеоном, в частности из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ориентированный на постепенный отказ от аллегорических картин в пользу онтологически наполненного образа. К числу ценностно значимых констант поэтической системы баталистики относится символически окрашенный образ поля и сопряженный с ним образ возделывателя земли. Хотя эта метафора не была исконно русской, ее использование в апокалиптическом звучании находим уже в византийской «Хронике» Георгия Амартола («*Яко кормьчя погыбълемъ суть и лодья истопленя, пастыремъ убожъе овчая пагуба, и ратаемъ небреженіе странамъ погыбъле, тако и преподобнымъ оскудгъніе всъго мира разрушеніе*» [16, с. 218]), в то же время, именно в древнерусской баталистике и батальной поэзии нового времени метафорические картины возделывания земли предстают значимым приемом для создания зримо воспринимаемого образа в соответствии с особенностями национального мироустройства.

Отражением «особенностей русского образа мира» [17, с. 183] в период нашествия Наполеона стало составленное единовременно с разворачивающимися историческими событиями «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», показательное в связи с выработкой поэтических механизмов выражения героической

патетики, к которым относится и метафора землепашества и сбора урожая. Произведения этого сборника позволяют говорить, что в словесной баталистике начала XIX века наблюдается усложнение метафоры, конструирующейся вокруг традиционного батального топоса поле, наделение его дополнительными смыслами наряду с прямым выражением локации сражения («*На Бородинском поле страшном, // На Малоярославском, Красном*» [31, с. 22], «*Вас ждут смоленские поля*» [Там же, с. 265], «*В полях, лесах и городах // Знамена крови разведали*» [Там же, с. 322]) и обозначения пространства исторической памяти («*Да славой превзойдут чрез вас поля Полтавы!*» [Там же, с. 265], «*В нас то же сердце бьется, // Которое в полях Донского вознесло*» [Там же, с. 308]). Усвоенным из древнерусской литературы поэтическим механизмом создания эмоционально насыщенного батального образа явилась метафора-символ, «*первоисточник которой находится в Библии*» [3, с. 37]. В батальные сцены стали активно включаться метафоры со скрытым содержанием, при первичном взгляде не эквивалентные батальным образам, как то, картины возделывания земли («*От солнца пахарь не сожжется, // От мраза бедный не согнется*» [31, с. 32]), изображение крупным планом золотых нив («*Золотеют наши нивы*» [Там же, с. 416]) или земледельца («*хижины оратая счастливы*» [Там же, с. 86]). Символическая наполненность подобных образов в батальном тексте совмещает «*народную фантазию в сравнении битвы с возделыванием пашни*» [6, с. 133], воплощенную в древнерусской воинской повести, с одним из важнейших Евангельских образов сеяния и жатвы, данного в эсхатологическом контексте («*Оставьте расти вместе то́ и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою*» (Мф.13:30); «*Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва*» (Мк.4:29)). Положенное в основу метафорического образа уподобление битвы жатве имеет более глубокую и скорее интуитивную основу, оттого эти образы приобретают «*сильное энергетическое напряжение*» [35, с. 85].

Результаты и обсуждение

Литературный генезис метафорической наполненности образов посева, жатвы и землепашца (ратая) в батальном контексте восходит к древнерусскому воинскому повествованию, выработавшему типологическую конструкцию представления нашествия врага как изменения традиционного мироустройства человека. Древнерусская литература, не знающая создания пейзажа вне символического смысла, представляла мирную природу как радость и торжество православной веры, Божественное покровительство. Под нарушением гармонии бытия, напротив, подразумевалось государственное бедствие, попрание христианства. На такой оппозиции основывается метафорический язык воинской повести, утвердившийся в литературе периода татаро-монгольского нашествия и использующийся в дальнейшем при изображении трагических событий истории. Наиболее яркий пример цветущей природы как изображение благоденствия на Руси обнаруживается в сохранившемся начальном отрывке «Слова о погибели земли русской», поводом к созданию которого послужило вторжение Батыя. Еще нетронутая врагом Русь представлена через описание ландшафтного многообразия, большую часть фрагмента составляет зарисовка цветущей природы, напоминающей райский сад: «*И многыми красотами удивлена еси: <...> крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными звърьми*» [8, т. 5, с. 90]. Символическое звучание этой природной зарисовки совмещается с реалистической тенденцией представления жизни государства до нашествия врага и изображением тех благ,

которые будут разрушены с его наступлением.

При изображении природы непосредственно в батальном контексте древнерусского повествования акцентируется противоестественность течения жизни, что передается через зримо воспринимаемые устрашающие картины пространства, примером тому являются эсхатологические метафоры из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: *«Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто вра.ни граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие»* [Там же, т. 4, с. 258], *«И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличють, но толко часто вороны грають трупу ради человеческого, грозно бо бяше и жалостьно тогды слышати»* [Там же, т. 6, с. 112]. Состояние поля противопоставляется своей чуждостью и трагичностью естественному его назначению растить хлеб, что придает батальной картине фигуральное, апокалиптическое звучание — в поле нет ни земледельцев, ни пастухов, ни одного живого человека, оно застлано телами погибших в бою. Аналогичный образ находим и в более поздней «Повести книги сея от прежних лет», рассказывающей о событиях Смутного времени и также прибегающей к использованию метафоры с ядром «поле» для передачи контраста мирного течения времени и наступившего далее потрясения: *«Растаявшу снегу и тиху веюшу ветру, и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую броду прочертает, и полодателя Бога на помощь призывает; растут желды, и зеленютца поля, и новым листивием облачаютца дрeвеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поют птицы сладкими воспеванием»* [28, с. 124]. Ратай в поле, произрастающие поля и деревья предстают визуальным воплощением гармонии на земле, царившей *«по смотрению Божию и по ево человеколюбию»* [Там же, с. 124]. Полярно по отношению к этой природной зарисовке и не менее колоритно представлено наступление врага-самозванца: *«В сие же время красовидные години прежереченный хищный волк собрался со множеством воин и поидоша на воевод московского воинства»* [Там же, с. 124]. Представленный в метафорическом образе хищника-волка враг разрушает мироустройство во время «красовидное», то есть отмеченное мощью божественных созданий.

Свое дальнейшее развитие метафора землепашества получает в поэтической баталистике второй половины XVIII — начала XIX века. Как таковые ратные поля в батальном тексте классицизма не изображались, что было связано с самим характером военных событий XVIII века, направленных на расширение земель и укрепление границ, и это обусловило специфику основных мест ведения сражений — морские сражения и штурмы. Поле лишь единично представлено в своем прямом значении военной локации, как то у А.П. Сумарокова:

*«На сих полях имел сраженье с Карлом Петр
И шведов разметал, как прах бурливый ветр,
Вселенну устрашил Российской державой
И шел отселе вспять с победою и славой»* [33, с. 110].

В то же время обращает на себя батальная образность «Оды на день восшествия... Елизаветы Петровны» М.В. Ломоносова, определившего поле как естественную для война среду пребывания (*«Сравнить сраженьям может воин // И в поле весь свой век живет»*) [23, т. 1, с. 118], как бы уподобляя война земледельцу, для которого поле также является привычным пространством. И здесь стоит отметить, что на этот период развития батального текста приходится воскрешение утраченного именованного земледельца «ратаем» или

«оратаем», употребляемого «в значении пахаря, земледельца в XII в.» и утраченного «во второй половине XVII в.» [11, с. 23], а также созвучного с ним и обозначения воина возвышенной лексемой «ратник». Устаревшие лексемы для обозначения ратника в бою и ратая в миру наиболее соответствовали патриотическому звучанию поэзии рубежа XVIII-XIX века. На основе фонетического созвучия и интуитивно улавливаемого пространственного смысла «нахождения в поле» по принципу уподобления создается метафорическое значение слова **ратай**, обозначающего и земледельца, и воина, что зафиксировано в словарях XVIII века («*ратай, воинъ, ратоборець, иногда означает земледельца, пахаря, землепашца*» [5, т. 4, с. 22] и XIX века («*церк. воин, солдат, тоже, что оратай, земледельец*» [32, т. 4, с. 88]). Для батального образа, приобретающего в поэзии нового времени дополнительные смыслы, характерно создание метафоры земледельчества на основе уподобления ратника ратаю, проведенный параллелей не только между битвой на ратном поле и земледелием, но и, в соответствии с классицистической поэтикой, уподобление полководца земледельцу, жнущему лавры героической славы. Все эти смыслы находим в оде Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (1788).

Основную часть оды, посвященную штурму крепости Очаков Екатеринославской армией под командованием Г.А. Потемкина, Державин обрамляет бытовыми картинками, построенными на описании переходящего в зиму осеннего пейзажа, расцветенного в яркие краски:

*«Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино»* [14, с. 121].

При том, что природной зарисовке сопутствуют многочисленные мифологические и фольклорные образы («*Спустил седой Эол Борея // С цепей чугуновых из пещер*» [Там же, с. 121]; «*Махнул по свету богатырь*» [Там же, с. 121]), поэт создает чисто русский пейзаж, исполненный зримыми, звуковыми, бытовыми образами, демонстрируя в них «*подлинную любовь к облику русского крестьянина*» [2, с. 765]. При этом суть державинского пейзажа глубже, чем только живописное представление «*яркого образа русской осени*» [24, с. 321], и может быть прочитана через библейские образы урожая и жатвы как возвещения скорых военных событий, конструирующих метафору для «*обозначения эсхатона*» [30, с. 34]. С.-М. Боура, анализируя поэтику героического эпоса, указывает, что «*в большинстве героических сказаний времени года уделяется мало внимания*» [10, с. 180], в то же время в батальном тексте Державина наблюдается обратное, осенний пейзаж у него несет основную смысловую нагрузку — именно посредством зримой осенней картины поэт аллегорически передает сущность разворачивающихся военных событий. Осенний пейзаж поэт сопрягает с бытовыми заботами человека в это время года — жатвой в поле («*Уже румяна Осень носит // Снопы златые на гумно*» [14, с. 121]) и охотой («*Ловецки раздаются роги, // И выжлиц лай и гул гремит*» [Там же, с. 121]). Обращение к бытовой стороне жизни крестьянина у Державина рождает череду ассоциативных параллелей, обусловивших развитие батального образа в тесном переплетении нескольких аспектов. В жатве как собирании лавров военной славы символически воплощены героика и избранность: «*Пред ними росс непобедимый // И в мраз зелены лавры жнет*» [Там же, с. 121]. Через изображение охоты как естественного процесса для человека и посредством контраста мирной тишины и военного грома («*То черн,*

то бледн, то рдян Эвксин // Огонь, в волнах не угасимый, // Очаковские стены жрет» [Там же, с. 122]) передается эсхатологическое чувство, вызванное разворачивающейся батальей и определившее восприятие войны как «эсхатологического момента внутри истории» [7, с. 5]. В колоритном картинном образе сцене ожидания героя с войны «*Твоя супруга златовласа, // Пленира сердцем и лицом, // Давно желанного ждет гласа, // Когда ты к ней приедешь в дом»* [14, с. 123]), завершающем оду, передается сопряжение личности и истории. Посредством топоса **поле**, реализованного в символическом ключе, Державин создает художественно обобщенный образ Росса, являющегося своего рода персонификацией идеи государственности.

Символическая наполненность образов ратая и жатвы нашла яркое отражение в церковных проповедях времен нашествия Наполеона. Епископ Августин (Виноградский), чьи пастырские наставления жителям Москвы 1812 года, московскому ополчению, речи по случаю наступления врага и достигнутой победы отмечены яркой образностью [см. подробнее: 25], не раз использует эти эмоционально насыщенные образы. Так, в своем воззвании к русским людям в связи с нашествием Наполеона епископ Августин призывает каждого приносить пользу во имя общего блага, используя при этом символический образ возделывания поля как тяжелого труда: «*Земледельствует ли кто? да не оставляет празны нивы своя, дѣлай, да дѣлаетъ ихъ, и орай, да орошаетъ потомъ своимъ»* [1, с. 6]. Метафора земледельства в проповеди может сочетать трагическое начало, связанное с противоестественностью войны, повлекшей застланность поля костями погибших, и образную рефлексию нашествия наполеоновской армии, поправшей христианские устои, нарушившей мироустройство и оттого павшей в войне: «*Поля ваши, опустошенные хищной его рукой, сдѣлались могилой для него самого. — Сынъ и внукъ твой, влача плугъ по наслѣдственной нивѣ, откроетъ кости злодѣевъ; онъ скажетъ: отецъ мой поразилъ ихъ, и спасъ для меня достояніе свое»* [Там же, с. 65]. Использование земледельческих образов обнаруживается и в контексте стяжания русским воинством славы быть непобежденным, оттого ратное поле становится не только «жестокимъ», но и «славнымъ», принесшим тишину всему миру: «*На полъ сколь жестокие, столь славныя брани пожинай вѣнцы хвалы и чѣсти; и памятникомъ победъ твоихъ да будетъ свобода и спокойствіе всей Европы»* [Там же, с. 54]. При создании картин победы над врагом епископ Августин апеллирует библейскими образами нового сева и жатвы, Богом обещанных на третий год после произведенных ассирийцами опустошений («*А на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады»* (Ис. 37:30): «*Идите отъде с миромъ в праотеческіе дома. Мечи и копія ваши разкуйте на новые ораля и серпы, и подѣ благодетельнымъ покровительствомъ среди любезныхъ семействъ наслаждайтесь покоемъ и тишиной!*» [1, с. 66].

Поэтическая образность классицистической оды, церковной проповеди и древнерусского воинского повествования была усвоена в стихотворениях, посвященных событиям Отечественной войны 1812 года. Развивая традиции древнерусской литературы, нашествие врага на русскую землю в поэтической баталистике 1812 года представляется буквально как нарушение идиллического состояния земли. И здесь примечателен перечислительный ряд, который воссоздает картину наступления разящей все вокруг подобно гибельно-катастрофической стихии французской армии, представленный в «Солдатской песне» Ф.Н. Глинки:

«Враг строптивый мечет громы,

*Храмов Божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!»* [31, с. 411].

Храм, нива и дом — те ценностные доминанты национальной картины мира, разрушение которых не раз акцентируется в баталистике именно в значении уничтожения мира русского человека. Не случайно в этом контексте появляется образ ратая, в оцепенении взирающего на исчезающий земной мир, как то в посвящении «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому» А.Ф. Воейкова:

*«Уносят хижины и затопляют нивы,
Пастух, оцепенев, зрит прежде край счастливый
И плод рачения лет многих и трудов
Добычей жалкою свирепости валов»* [Там же, с. 120].

В стихотворении «На разрушение Москвы» Ф.Ф. Иванова, поэта, состоящего в державинской «Беседе любителей русского слова», метафора, основанная на ассоциации «поле — сражение» приобретает эсхатологическое звучание. Не столь явно, как у Державина, но вместе с тем существенно для воплощения идейного замысла, баталия здесь соотносится с временами года. Если в связи с самими военными сражениями поэт только называет осень, сравнивая битву с охотой, при этом не давая ее развернутого описания («*Меч гложет свой в остервененье // И рыщет в ужасе, как скимн в осенню ночь*» [Там же, с. 113]), то победный исход сражения отождествляется с наступлением весны и распаиванием поля, и в этом контексте рисуется уже более развернутая картина. Метафорическая картина возделывания поля, имеющая ярко выраженную эсхатологическую наполненность, включается поэтом в объемный образ страдающего мира («*Спаси стеньящий мир от бедства*» [Там же, с. 113]), в сопряжении с которым через жатву, совершающуюся «*в ужасах войны <...> раскрывается Суд Божий*» [26, с. 133]. Воин же представляется в исполинском образе пахаря, свершающего тяжкий труд, который войдет в героическую историю («*Заглянет в летопись и сердцем содрогнет // Послышит хладный пот, с чела его текущий*» [31, с. 113]), результатом этого труда становится распаханное поле, полное вражеских костей («*И да бразды твоих полей // Под плугом зазвучат от вражеских костей!*» [Там же, с. 113]). В подобной сложной метафоре одновременно воплощается героический характер воинства и историческая значимость самого события и неестественное состояние самой пашни. В «Стихах на изгнание неприятеля из России...» Д.П. Горчаков, также поэт державинского круга, повторяет метафору, ядром которой является топос **поле**, в контексте призыва к сплочению перед врагом и упование на новые победы:

*«Жни новы лавры в поле чести,
Забудь для Отчества покой,
Прости к врагу меч правой мести»* [Там же, с. 82].

Символические образы посева и жатвы выступают в батальном тексте «*приметамы земного мира в его связи с духовной реальностью*» [18, с. 94], утвердились в комплексе изобразительных мотивов, выражающих идею Господнего заступничества и покровительства русской земли, победы в войне и спасения градов как Божьего чуда. Именно так объясняет окончание Отечественной войны Державин в своем «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов», изображая метафорично Россию как райский сад, цветший «*в покровительстве*

Господнем» [31, с. 22], и уподобляя врага мифологическому божеству восточного ветра Эвра, который *«стебля <России>сбить не мог всех сил набегом»* [Там же, с. 22]. Именно Божественное заступничество определило возвращение русской земли в прежнее ее благодатное состояние, подобное райскому саду, что передается Державиным посредством отрицания несчастий на земле:

*«Токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут»* [Там же, с. 22].

Поле победное в баталистике 1812 года изображается как естественная картина, когда дружина не воюет, а на поле произрастает хлеб. В этом контексте земледельческая метафора отвечает характерным для этого времени зарисовкам сельской жизни в идиллической манере: *«Золотеют наши нивы; // Тучная трава в лугах: // Мы в домах своих счастливы, // Рай житье нам в деревнях»* [Там же, с. 416]; *«Мы брашном насладимся, // И хлеб вкусив с полей родных, // Веселью предадимся!»* [Там же, с. 127]. Растительные метафоры в баталистике позволяют визуально представить трагизм состояния войны, связанной со смертоубийством, контрастирующей с мирным, благодатным, животворящим началом земли. Вместе с тем диалектический образ оратая и жатвы в контексте христианского миропонимания наполнен и онтологическими смыслами, связанными с идеей предстояния человека перед лицом вечности в ситуации готовности к самопожертвованию и соответствующей этому награды высшей славы, духовного возрождения, зрительно воплощенного в метафорике райского сада и произрастающего поля.

Выводы

В русской картине мира образ поля утвердился как национальный символ, за которым прочно закрепились два ассоциативных значения: пространство, на котором произрастает хлеб, и поле ратное — место героического подвига. В контексте батального повествования эти два значения тесно переплетаются, что воплотилось в метафорическом представлении битвы в образе жатвы, отождествлении воина с пахарем-оратаем-ратаем. Созданная на основе упорядочивания *«повседневной деятельности человека»* [22, с. 388], эта метафора включила в символическое пространство присущие и понятные только для русской ментальности смыслы. Наиболее распространенной реализацией образов оратая и жатвы, важных для поэтов и духовных пастырей в связи с исторической ситуацией начала XIX века, стала, во-первых, оппозиция мира и войны, символически воплощенная в образе произрастающего поля в довоенной жизни и поля, попранного врагом, и, во-вторых, картина наступившего спокойствия после прогнания врага; через естественное состояние произрастающего поля изображается победа над Наполеоном. Источником подобных образов стала библейский текст и древнерусское повествование, апеллирование к которым обусловлено обращением к духовной сфере бытия для постижения истинных смыслов постигших Россию бедствий.

Литература

1. *Августин (Виноградский)*. Сочинения Августина, архиепископа Московского и

- Коломенского. 1856. СПб.: Кораблев и Сиряков. 239 с.
2. *Аверинцев С.С.* Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Том IV (XVIII — начало XIX века). 1996. М.: Языки славянских культур. С. 763-779.
 3. *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. 1947. М., Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР. 188 с.
 4. *Айзикова И.А.* Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31-41.
 5. *Алексеев П.А.* Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах: в 5 т. 1773. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те.
 6. *Афанасьев А.Н.* Мифология Древней Руси. 2007. М.: Эксмо. 608 с.
 7. *Бердяев Н.А.* Война и эсхатология // Путь. 1939-1940. № 61. С. 3-14.
 8. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. 1997. СПб.: Наука.
 9. Библия: книги Священного Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. 2010. М.: Российское библейское общество. 1690 с.
 10. *Боура Сесил Морис.* Героическая поэзия. 2002. М.: Новое литературное обозрение. 388 с.
 11. *Виноградова В.Л.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // Слово о полку Игореве — памятник XII века / отв. ред. Д.С. Лихачев. 1962. М., Л.: Изд-во АН СССР. С. 255-275.
 12. *Гулин А.В.* «Он весь, как Божия гроза». Петр Первый в поэме А.С. Пушкина «Полтава» // Литература в школе. 2018. № 3. С. 2-7.
 13. *Гуковский Г.А.* Любовь к родине в русской классической литературе. 1943. Саратов: Саратовское обл. гос. изд-во. 87 с.
 14. *Державин Г.Р.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого. 1957. Л.: Советский писатель. 468 с.
 15. *Ермоленко С.И.* «Среди военных непогод...»: 1812 год в творческой судьбе К.Н. Батюшкова // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сборник научных статей. 2020. Екатеринбург. С. 235-243.
 16. *Истрин В.М.* Книги временя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1. Текст. 1920. Пг. 612 с.
 17. *Киселева И.А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182-187.
 18. *Киселева И.А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Том 17. № 4. С. 91-106. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422
 19. *Киселева И.А., Поташова К.А.* Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А.С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4. С. 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253
 20. *Кошелев В.А.* Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г.Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 89-106.
 21. *Кузьмин А.И.* Героическая тема в русской литературе. 1974. М.: Просвещение. 301 с.
 22. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / сост. Н.Д. Арутюнова. 1990. М.: Прогресс. С. 387-415.
 23. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения: в 2 т. / Редкол. С.Р. Микулинский (пред.) и др.

1986. М.: Наука.

24. Маслова А.Г. Времена года в поэзии Г.Р. Державина [Электронный ресурс] // Преподаватель XXI века. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremena-goda-v-poezii-g-r-derzhavina> (дата обращения: 18.10.2023).

25. Поташова К.А. Образ пылающего вулкана в сознании очевидцев пожара Москвы 1812 года // Проблемы исторической поэтики. 2017. Том 15. № 3. С. 21-34. DOI: 10.15393/j9.art.2017.4442

26. Прот. Сергей Булгаков (Булгаков С.Н.). Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). 1948. Париж: YMCA-Press, Сор. 352 с.

27. Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. 1935. М., Л. С. 83-132.

28. Русское историческое повествование XVI-XVII веков / сост., предисл., подгот. древнерус. текстов, пер. и примеч. Ю.А. Лабынцева. 1984. М.: Советская Россия. 348 с.

29. Скибин С.М. Батальные мотивы в лирике К.Н. Батюшкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Том 2. № 2 (38). С. 36-45. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_36

30. Смагло С.И. Жатва как апокалиптический образ в новозаветной эсхатологии [Электронный ресурс] // Христианское чтение. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhatva-kak-apokalipticheskii-obraz-v-novozavetnoi-eshatologii> (дата обращения: 18.10.2023).

31. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: юбилейное издание. 2015. М.: Языки славянской культуры. 640 с.

32. Срезневский И.И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук: в 4 т. 1847. СПб.: Тип. Академии наук.

33. Сумароков А.П. Избранные произведения [Текст] / сост. П.Н. Берков. 1957. Л.: Советский писатель. 608 с.

34. Трофимова Н.В. Орел и змея в русском фольклоре и литературе XII — начала XIX вв. // Семантика народной культуры в литературе: материалы международной научно-практической конференции. 2018. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 26-34.

35. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры / сост. Н.Д. Арутюнова. 1990. М.: Прогресс. С. 82-100.

36. Янушкевич А.С. Особенности имперского текста В.А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 77-92.

References

1. Avgustin (Vinogradskii). Sochineniya Avgustina, arkhiepiskopa Moskovskogo i Kolomenskogo. 1856. Saint Petersburg: Korablev i Siryakov. 239 p. (In Russ.).

2. Averintsev S.S. Poeziya Derzhavina // Iz istorii russkoi kul'tury. Tom IV (XVIII — nachalo XIX veka). 1996. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 763-779 (In Russ.).

3. Adrianova-Peretts V.P. Ocherki poeticheskogo stilya Drevnei Rusi. 1947. Moscow, Leningrad: Publ. i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 188 p. (In Russ.).

4. Aizikova I.A. Istoriko-literaturnoe znachenie «Sobraniya stikhotvorenii, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu» // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2013. № 1, pp. 31-41 (In Russ.).

5. Alekseev P.A. 'Tserkovnyi slovar', ili Istolkovanie rechenii slovenskikh drevnikh, takozh

- inoazychnykh bez perevoda polozhennykh v Svyashchennom Pisanii i drugikh tserkovnykh knigakh: v 5 t. 1773. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te (In Russ.).
6. Afanas'ev A.N. Mifologiya Drevnei Rusi. 2007. Moscow: Eksmo. 608 p. (In Russ.).
 7. Berdyayev N.A. Voina i eskhatologiya // Put'. 1939-1940. № 61, pp. 3-14 (In Russ.).
 8. Biblioteka literatury Drevnei Rusi / pod red. D.S. Likhacheva i dr. 1997. Saint Petersburg: Nauka (In Russ.).
 9. Bibliya: knigi Svyashchennogo Vetkhogo i Novogo Zaveta. Sinodal'nyi perevod. 2010. Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo. 1690 p. (In Russ.).
 10. Boura Sesil Moris. Geroicheskaya poeziya. 2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 388 p. (In Russ.).
 11. Vinogradova V.L. «Slovo o polku Igoreve» i «Zadonshchina» po nekotorym dannym morfologii // Slovo o polku Igoreve — pamyatnik XII veka / otv. red. D.S. Likhachev. 1962. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR, pp. 255-275 (In Russ.).
 12. Gulin A.V. «On ves', kak Bozhiya groza». Petr Pervyi v poeme A.S. Pushkina «Poltava» // Literatura v shkole. 2018. № 3, pp. 2-7 (In Russ.).
 13. Gukovskii G.A. Lyubov' k rodine v russkoi klassicheskoi literature. 1943. Saratov: Saratovskoe obl. gos. izd-vo. 87 p. (In Russ.).
 14. Derzhavin G.R. Stikhotvoreniya / vstup. st., podgot. teksta i obshch. red. D.D. Blagogo. 1957. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 468 p. (In Russ.).
 15. Ermolenko S.I. «Sredi voennykh nepogod...»: 1812 god v tvorcheskoi sud'be K.N. Batyushkova // Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii. Sbornik nauchnykh statei. 2020. Ekaterinburg, pp. 235-243 (In Russ.).
 16. Istrin V.M. Knigy vremenyia i obraznyia Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issled. i slovar'. T. 1. Tekst. 1920. Petrograd. 612 p. (In Russ.).
 17. Kiseleva I.A. Rol' sobytii voiny 1812 goda v formirovanii imperskikh nastroenii russkogo obshchestva pervoi treti XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2012. № 4. pp. 182-187 (In Russ.).
 18. Kiseleva I.A. O smyslovoi tsel'nosti definitivnogo teksta poemy M.Yu. Lermontova «Demon» (1839) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2019. Tom 17. № 4, pp. 91-106. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6422 (In Russ.).
 19. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Osobennosti poeticheskogo ekfrasisa v stikhotvorenii A.S. Pushkina «Polkovodets» (1835): ot chernovika k beloviku // Nauchnyi dialog. 2021. № 4, pp. 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253 (In Russ.).
 20. Koshelev V.A. Gimn «na prognanie», ili «Apokalipsis prelozhit'» (o poetike pozdnego G.R. Derzhavina) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2016. № 14, pp. 89-106 (In Russ.).
 21. Kuz'min A.I. Geroicheskaya tema v russkoi literature. 1974. Moscow: Prosveshchenie. 301 p. (In Russ.).
 22. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem // Teoriya metafory / sost. N.D. Arutyunova. 1990. Moscow: Progress, pp. 387-415 (In Russ.).
 23. Lomonosov M.V. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. / Redkol. S.R. Mikulinskii (pred.) i dr. 1986. Moscow: Nauka (In Russ.).
 24. Maslova A.G. Vremena goda v poezii G.R. Derzhavina [Elektronnyi resurs] // Prepodavatel' XXI veka. 2010. № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremena-goda-v-poezii-g-r-derzhavina> (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).

25. Potashova K.A. *Obraz pylayushchego vulkana v soznanii ochevidtsev pozhara Moskvy 1812 goda* // *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2017. Tom 15. № 3, pp. 21-34. DOI: 10.15393/j9.art.2017.4442 (In Russ.).
26. Prot. Sergii Bulgakov (Bulgakov S.N.). *Apokalipsis Ioanna (Opyt dogmaticeskogo istolkovaniya)*. 1948. Parizh: YMCA-Press, Cop. 352 p. (In Russ.).
27. Pumpyanskii L.V. *Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka* // XVIII vek. 1935. Moscow, Leningrad, pp. 83-132 (In Russ.).
28. *Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI-XVII vekov* / sost., predisl., podgot. drevnerus. tekstov, per. i primech. Yu.A. Labyntseva. 1984. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 348 p. (In Russ.).
29. Skibin S.M. *Batal'nye motivy v lirike K.N. Batyushkova* // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2022. Tom 2. № 2 (38), pp. 36-45. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_36 (In Russ.).
30. Smaglo S.I. *Zhatva kak apokalipticheskii obraz v novozavetnoi eskhatologii* [Elektronnyi resurs] // *Khristianskoe chtenie*. 2018. № 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhatva-kak-apokalipticheskii-obraz-v-novozavetnoi-eschatologii> (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).
31. *Sobranie stikhotvorenii, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu: yubileinoe izdanie*. 2015. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 640 p. (In Russ.).
32. Sreznevskii I.I. *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyyi Vtorym otdeleniem Akademii nauk: v 4 t. 1847*. Saint Petersburg: Tip. Akademii nauk (In Russ.).
33. Sumarokov A.P. *Izbrannye proizvedeniya* [Tekst] / sost. P.N. Berkov. 1957. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 608 p. (In Russ.).
34. Trofimova N.V. *Orel i zmeya v russkom fol'klore i literature XII — nachala XIX vv.* // *Semantika narodnoi kul'tury v literature: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2018. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, pp. 26-34 (In Russ.).
35. Uilrait F. *Metafora i real'nost'* // *Teoriya metafory* / sost. N.D. Arutyunova. 1990. Moscow: Progress, pp. 82-100 (In Russ.).
36. Yanushkevich A.S. *Osobennosti imperskogo teksta V.A. Zhukovskogo: ideologiya i kul'turtregerstvo* // *Imagologiya i komparativistika*. 2017. № 7, pp. 77-92 (In Russ.).

Информация об авторах

Поташова Ксения Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Information about the authors

Ksenia A. Potashova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>, e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Получена 01.12.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023
Accepted 15.12.2023